

ПОД НЕБОМ ИТАЛИИ

ИЗ ЗАПИСНОЙ

КНИЖКИ ПЕВЦА

только большая честь, но и огромное признание. В Ла Скала я слышал болгарского певца Николая Гяурова, Франко Корелли, Бергонси, Ренату Скотто, Раймонди, Френи, Генчера и многих других популярных певцов мира.

Здесь я добавлю, что из советских певцов в Ла Скала пока что пели только солистки Большого театра Галина Вишневская и Тамара Милашкина (последняя тоже стажировалась там), а из мужчин пока что этой чести был удостоен автор этих строк.

Заранее скажу, что требования к желающему выступить в Ла Скала солисту очень велики. Он должен пройти целый ряд испытаний, экзаменов. А подписанный договор обязывает его петь в назначенное время, в какой бы форме он ни находился. Случается, что публика осматривает даже и хорошего певца. Так, я видел, как после первого действия был заменен довольно известный певец Преведи, который плохо себя чувствовал, но пел на премьере оперы Дж. Верди «Симон Бокканегро».

И вот в этом году в Ла Скала на стажировку выехали Ваган Миракян из Еревана, Генрих Крумм из Таллина, Мария Бену из Кишинева, Роза Имиджанова из Ташкента и я. Позже, когда три первых уехали, чтобы готовиться к конкурсу исполнителей имени П. Чайковского, на их место прибыли певцы Большого театра — тенор Евгений Райков и бас Марк Репетин. И так, дальнейшее обучение мы продолжали вчетвером.

Ла Скала нанимает для стажировщиков двух педагогов. Один из них — маэстро Дженао Барра — очень колоритная личность. Он сам бывший певец, тенор, и несмотря на свои 70 лет хорошо сохранил технику пения, которую старался привить и нам. Он учил нас добиваться вокального эффекта благодаря технике пения, с минимальной затратой физических сил, как можно меньше эксплуатируя голосовые связки.

Маэстро Барра был дружен с Ф. Шалляниным и хорошо знал Максима Горького, у которого не раз бывал на Капри. Об этих встречах он и сейчас рассказывает очень интересно и тепло.

Что касается обучения, то следует сказать, что в этом году маэстро Дженао Барра работал со мной несколько иначе. Если в прошлом

году он особенно много внимания уделял моему дыханию, то в этом сезоне первые два месяца мы тоже работали над дыханием, а позже, контролируя его, он больше внимания уделял серьезному итальянскому пению, добиваясь всестороннего мастерства.

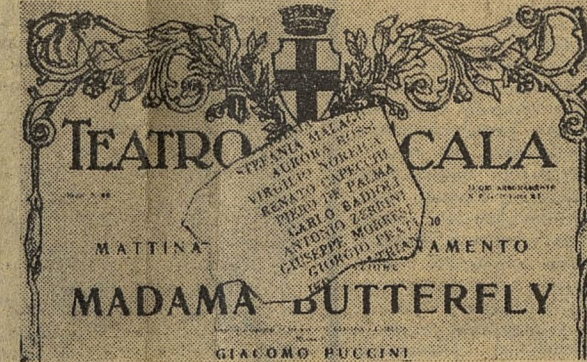
Еще в прошлом году маэстро заметил, что мой голос наиболее близок итальянской школе. Будучи учеником народного артиста СССР К. Петраускаса и Антанаса Каросаса, я, очевидно, получил основу, близкую итальянской школе.

Второй маэстро — Энрико Пиаца. В его работе я не заметил изменений по сравнению с прошлым годом. Конечно, учиться было несравненно легче. Если в прошлом году, готовя оперы, мне приходилось много времени посвящать итальянскому языку и произношению, то в этом большую часть времени уже мог уделить совершенствованию исполнения. Поэтому этот год был продуктивнее. Кроме «Риголетто» и «Богемы», которые я подготовил в прошлом году, нынче работал над партией Каварадосси в опере Дж. Пуччини «Тоска» и Пинкертон в «Мадам Баттерфляй», а также Габриэля в опере Дж. Верди «Симон Бокканегро». Хорошенько проштудировал «Лючию ди Ламермур» Г. Доницетти — в ближайшее время буду готовить ее на русском языке.

Мы изучали только итальянские произведения и только на итальянском языке. Таков принцип преподавателей Ла Скала. Ежедневно по полчаса пели с маэстро Барра, и столько же ежедневно с маэстро Пиаца.

Работа была очень серьезной, напряженной, требующей много духовных и физических сил.

Что касается моего выступления, то оно не было неожиданным для меня самого. В конце декабря директор театра доктор А. Гирингелли изъявил желание посмотреть, что мы подготовили за два месяца, и назначил прослушивание на сцене. Я спел арию герцога из третьего действия «Риголетто» «Кто ее похитить мог». И еще одну арию из «Манон Леско» Пуччини. Сразу же после прослушивания директор передал мне мое художественное письмо и свое личное и предложил готовиться к спектаклю на сцене Ла Скала. В конце января подготовленную мною партию Пинкертон

Афиша театра Ла Скала с фамилией литовского певца.

прослушал художественный руководитель театра маэстро Сицилиани. Он пришел на урок неожиданно, желая проверить, могу ли я влюбленное время петь на достаточно высоком уровне, готов ли к спектаклю. Сицилиани хорошо отзывался о тембре голоса и моем произношении.

Кроме того, меня проверил и личный советник по вопросам вокала доктора Гирингелли маэстро Бианки. Он особое внимание уделял проверке выдержки, звучанию голоса.

И в это время меня постигла большая неудача... В Неаполе я, очевидно, схватил грипп, пришлось пролежать три недели. Конечно, настроение было плохое. Я еще болел, а уже шел пятый, шестой спектакль, в котором я должен был петь. Выздоровел только к девятому, который должен был состояться 13 марта. На понедельник мне назначили репетицию с оркестром. Это был необыкновенно трудный экзамен. Вместе со мной пела и единственная в этом сезоне исполнительница Чин-Чин-Сан Вирджиния Дзеани. Репетиция началась как-то неуверенно, я попросту боялся. После болезни чувствовал себя еще слабее. Я знал, что оркестр Ла Скала очень хороший, но суровый и требовательный: если певец не нравится, то его сразу «освистывают». Прямо во время репетиции музыканты извещают свое недовольство, а часто даже прекращают играть. Оркестром дирижировал маэстро Санцонио. Как было приятно, когда в середине первого действия после моей сцены оркестранты стали аплодировать. Именно тогда я успокоился, понял: буду петь: если принял оркестр, то примет и руководство театра.

В среду мне сообщили, что буду петь 13 числа, в воскресенье. И хотя я не суеверен, но должен сказать, что с этой цифрой у

меня связано много приятных воспоминаний, и я, не в пример многим, очень люблю это число. Да и в Большом театре СССР мой дебют состоялся 13-го.

Сценических репетиций у меня не было ни одной. Кроме того, мне очень много и искренне помогала Вирджиния Дзеани, которая пела со мной.

Зал Ла Скала огромен, разглядеть лица публики, понять настроение невозможно. Поэтому я страшно волновался. Особенно в первом действии. Но в последнем пел уже спокойно, голос поднимался прекрасно. После первого действия неожиданно пришла делегация теноров хора с шампанским. Это означало, что они признают меня, мою вокальную школу, мое пение. Так я стал солистом Ла Скала. Правда, всего на один спектакль.

На афишах Ла Скала не принято отмечать, откуда пришел певец. Поэтому моя фамилия «Виргилио Норейка» вызвала самые различные комментарии, даже очень смешные. Мои друзья, следившие за спектаклем и публикой, слышали, как говорили, что я родом из Венеции, где, мол, встречаются такие фамилии. Как видите, я едва не попал в дождь.

На следующий день газеты довольно положительно оценили мой дебют. А влиятельная и популярная «Корьере делла Спера» писала: «Вчера в театре Ла Скала шла опера Д. Пуччини «Мадам Баттерфляй». Партию тенора спел Виргилио Норейка, который выступал в форме американского летчика. Он продемонстрировал прекрасный голос и хорошую игру... Вместе с Вирджинией Дзеани он получил много и впол-

не заслуженных аплодисментов».

В Ла Скала я видел, слышал и встречался со многими известными певцами. Многие спрашивают меня о Марио дель Монако, который несколько лет назад успешно выступал у нас в стране и завоевал здесь симпатии зрителей. После травмы, которую он получил в тяжелой автокатастрофе, этот певец поет теперь редко. Но, несомненно, он уже вписал свою страницу в историю оперного искусства. И очень яркую страницу. Если я скажу, что только «Отелло» он исполнил в разных театрах мира 550 раз, то будет ясно, какое прекрасное прошлое у этого знаменитого драматического тенора. Интересно отметить, что подготовить партию ему помог наш маэстро Барра. Я сам видел присланную ему благодарственную телеграмму после премьеры «Отелло» в нью-йоркском театре «Метрополитен».

Хотя времени было и очень мало — почти все я посвящал пению, изучению языка, спектаклям, которых я видел очень много, ведь премьеры, как говорилось выше, в Ла Скала бывают каждые две недели, — все-таки по возможности старался шире познакомиться с культурной жизнью Италии. Интересны были посещения музеев модернистского искусства техники. Видел я и знаменитую фреску Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», а также его произведения техники, которые не менее известны, чем живопись. Побывал в Неаполе и Флоренции, Риме и Милане, увидел воспоминания итальянцами Сорренто, Амальфи, Поситано.

О красоте Италии говорить не решаюсь — не могу описать ее лучше, чем сказано другими. Но о людях этой страны у меня самое лучшее мнение. Мне пришлось встречаться со многими итальянцами — все они очень дружелюбны, гостеприимны, искренни.

Из Италии я привез самые лучшие воспоминания. Всегда с радостью буду думать об искренних и гостеприимных людях, всегда с радостью и нетерпением буду ждать встречи с ними.

В. НОРЕЙКА,
заслуженный артист
Литовской ССР.

Сцена из спектакля Ла Скала «Мадам Баттерфляй». Пинкертон — В. Норейка, Чин-Чин-Сан — В. Дзеани.

В. Норейка в нашей редакции.

Как мы уже сообщали, из Италии возвратился заслуженный артист Литовской ССР Виргилюс Норейка, который 6 месяцев стажировался в знаменитом миланском театре Ла Скала.

Певец побывал в редакции «Вечерних новостей» и любезно поделился впечатлениями о своей поездке.

МЕЖДУ советским Большим театром и миланским Ла Скала установилась добрая, хорошая и полезная традиция — пять миланских балерин проходят стажировку в Москве, пять певцов Большого театра едут с той же целью в Милан.

Во-первых, несколько слов о самом театре Ла Скала. Это огромный, на 3250 мест театр, который содержит меценаты. Они же являются обладателями абонементов. Хотя личные ложи в Ла Скала были откуплены еще в прошлом столетии, но богатые люди покупают соответствующие абонементы, которые дают право посещения первых четырех спектаклей. На эти спектакли руководство театра не имеет права менять заранее объявленных певцов, исполнителей главных партий. Премьеры в Ла Скала происходят каждые две недели, и каждый спектакль идет 10 раз подряд.

Ставятся здесь и балеты, но труппа танцовщиков значительно слабее. Я смотрел два балета: «Гершвиану» (написанную по мотивам произведений известного американского композитора) и «Башмачки» С. Прокофьева. Их постановка оставляет желать лучшего.

Прекрасная акустика, сцена, которая видна с любого места одинаково хорошо, замечательные художественные коллективы, вокалисты высокого художественного уровня вот уже 200 лет поддерживают авторитет этого театра, его звание лучшего оперного театра мира, в котором петь не